

ADIEV Aslanbek Zalimkhanovich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Scientific Secretary of the Regional Centre for Ethno-political Research, Dagestan Federal Research Centre, RAS (45 Magometa Gadzhieva St, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia, 367000; khalid_84@mail.ru)

BIYZHANOVA Eliza Kamchybekovna, Research Fellow of the Center for Regional Sociology and Conflictology Studies, Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; biyzhanova@isras.ru)

MIGRATION PROCESSES AND DEMOGRAPHIC RESOURCE OF DAGESTAN: TRENDS AND MUNICIPAL FEATURES

Abstract. *The Republic of Dagestan is perceived in the expert community as one of the demographically prosperous regions of the Russian Federation with steadily high rates of natural population growth. Based on the analysis of statistical data and materials of sociological studies, the article describes the dynamics of demographic and migration processes in the Republic of Dagestan, leading to stabilization of the region's population by reducing fertility and increasing migration outflow.*

Keywords: *Dagestan, demographic situation, migration, forecast*

АБДУЛЛАЕВ Абас Абдулахович – экстерн по направлению «Политические науки и регионоведение» Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (236016, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14; abas82@yandex.ru)

МЕХАНИЗМ ВЛИЯНИЯ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ДАГЕСТАНЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются факторы, образующие механизм, с помощью которого можно оценивать степень влияния внутренней миграции на территориальность регионального политического процесса. К характеристикам, образующим этот механизм, автор относит сокращение этнического разнообразия на равнинных и предгорных территориях региона при сохранении моноэтничности горных; ослабление официальных и актуализацию общинных институтов этнического религиозного и криминального происхождения; трансформацию этнической структуры политических институтов на местах.*

Ключевые слова: *внутренняя миграция, региональный политический процесс в Дагестане, сокращение этнического многообразия, трансформация этнической структуры политических институтов, территориальность*

Трансформация качественных характеристик современного миграционного процесса в конце XX – начале XXI в. привела к тому, что он все чаще стал рассматриваться как один из значимых факторов политических изменений как в рамках отдельных государств, так и на уровне их регионов.

В целом, в экономически развитых странах такая трансформация никак не влияет на выполнение внутренней миграцией функций, значимых для развития их политических систем: она «способствует более полному использованию трудового потенциала страны и ее регионов, сглаживанию межрегиональной дифференциации уровней развития, содействует устойчивому социально-экономическому развитию» [Алешковский 2007: 3].

Однако в государствах экономически слабых, относительно недавно встав-

ших на путь индустриального развития (страны Азии и Африки) либо находящихся в переходном состоянии (страны бывшего СССР и ОВД), внутренняя миграция вышла за рамки самоорганизующейся системы [Ефимов 2007: 24] в силу снятия институциональных ограничений на ее функционирование. А на теоретическом уровне все больше стало осознаваться что «мигранты – это не только жизненно необходимая рабочая сила. Это – иная (иные) культура, язык, образ и стиль жизни» [Дятлов 2007: 65].

Во многих случаях эти процессы протекали на фоне отказа от государственной идеологии и, как следствие, утраты единых гражданских идентификационных ориентиров. Поэтому одним из главных способов адаптации региональных сообществ к новой для них политической и экономической ситуации в той или иной степени стал их возврат к первичным, догосударственным формам социальной организации (языческим, религиозным, этническим). В этой связи «необходимым условием пользования ресурсами и возможностями становится право на территорию и идентичность с территорией» [Терещенко 2011: 29].

В связи с этим для сохранения политической стабильности как на уровне региона, так и страны в целом возникает необходимость выявления и анализа факторов, определяющих формы удовлетворения так называемых территориальных интересов региональных сообществ – интересов тех или иных социальных групп, населяющих регион, и тесно связанных с территорией их проживания. Все это необходимо осуществлять с учетом культурной, этнической и религиозной специфики регионов.

Работ по теме территориальности политического процесса, его регионального аспекта в научном информационном пространстве явно недостаточно. В работах авторов, занимающихся этой проблемой, не анализируются факторы, влияющие на динамику изменения территориальных интересов региональных сообществ под влиянием внутреннего миграционного процесса. К таким факторам могут быть причислены сокращение этнического разнообразия, присутствие социальной конфликтности в этнорелигиозно-экстремистских формах и пр. Сочетание этих факторов может быть рассмотрено в качестве механизма, способного определенным образом влиять на региональную политическую динамику.

В качестве критериев вычленения территориального поведения из всего спектра социальной активности можно выделить 1) действие, так или иначе опосредованное территорией, на которой оно происходит; 2) действие, имплицитно включающее данную территорию в акт социального взаимодействия; 3) действие, основанное на пространственной (территориальной) рефлексии субъекта [Завалишин, Рязанцев 2005: 83].

В отношении слабой разработанности концепта «территориальное поведение» А.Ю. Завалишин говорит: «Классические и современные социологические теории социальное (экономическое, политическое, этнокультурное) поведение рассматривают, абстрагируясь от места действия и утверждая, что для социологии это нерелевантно. Исключение составляют исследования города и деревни» [Завалишин, Рязанцев 2005: 83].

Анализ определений понятия «территориальность», даваемых экспертным сообществом [Завалишин, Рязанцев 2005; Крадин 2004; Нартова-Бочавер 2016; Слюсарянский 2011; Черноушек 1989], привел к формулированию авторского определения феномена применительно к региональному политическому процессу. *Территориальность* понимается как совокупность специфических интересов, функционально связанных с той или иной частью регионального политического пространства, удовлетворение которых обусловлено обеспечением контроля (физического и/или институционального) над ним.

Российская Федерация выступает одной из наиболее территориально обширных и многообразных в этническом отношении государств мира. Это отражается на территориальной политико-административной структуре, включающей на современном этапе областной (краевой), республиканский уровни.

С начала нулевых годов в РФ запущен процесс укрупнения регионов. В первую очередь он затронул субъекты, где территориальные интересы представлены достаточно слабо и последствия от таких изменений в обозримой перспективе должны способствовать более эффективному развитию этих территорий.

Однако в силу исторической и социокультурной специфики в отдельных российских регионах территориальные интересы имеют крайне устойчивый характер воспроизводства, и, как следствие, изменения в формах его удовлетворения могут влиять на стабильность политической динамики как в самих регионах, так и на сопредельных с ними территориях.

Это национальные регионы страны, в частности, Северный Кавказ, где на протяжении всего XX в. шло активное изменение административных границ. В этой связи накопленные на сегодняшний день территориальные противоречия в этих регионах сохраняют угрозу ослабления политической стабильности в них в случае даже незначительного изменения в формах удовлетворения территориальных интересов¹.

На наш взгляд, удовлетворение территориальных интересов региональных сообществ, проживающих в национальных республиках, может оказаться под угрозой без сохранения достаточно высокой доли русского населения в этих регионах. Снижение этого сегмента социальной структуры в них приводит к целому ряду негативных последствий: к росту территориальной конфликтности, ослаблению как федеральных, так и региональных властных институтов, нарушению этнического равновесия в региональных органах власти. Совокупность этих факторов в моно- и бинациональных республиках может способствовать формированию этнотерриториальных анклавов на территории РФ и, как следствие, угрожать региональной и в перспективе — национальной безопасности. Однако аналогичные процессы могут затрагивать и полиэтничные регионы, где результатом функционирования миграционного процесса в них может стать трансформация этнотерриториальной структуры, и полиэтничный статус региона в таком случае уже будет по большей части номинальным.

К таким территориям можно отнести Дагестан. Несмотря на его формальную этническую дифференцированность, современная миграционная динамика определенным образом меняет ситуацию в сторону сокращения этнического многообразия в регионе.

С учетом всего сказанного выше мы предлагаем рассматривать механизм влияния внутренней миграции на региональный политический процесс в Дагестане по ряду факторов, выявленных нами в процессе исследования.

1. *Сокращение этнического разнообразия равнинных, предгорных территорий при одновременном сохранении моноэтничности горных.* Формирование этой тенденции стало возможным вследствие масштабной выездной миграции за пределы региона целого ряда коренных этносов региона — как крупных по численности (русские, кумыки), так и менее многочисленных (ногайцы и др.).

В полиэтничном регионе сокращение этнических территорий у некоторых прежде многочисленных этносов в регионе может свидетельствовать о массовом и безвозвратном выезде за их пределы.

¹ Протесты в Ингушетии: хроника передела границы с Чечней. — *Кавказский Узел*. 27.08.2019. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/326282/>; Жители Кизлярского района установили свой указатель рядом с чеченским. — *Кавказский Узел*. 12.06.2019. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/336606/> (проверено 03.11.2019).

Как отмечалось выше, особого внимания заслуживает проблема миграции, прежде всего, русского сегмента этнической структуры региона. Это связано с катастрофически низким размером их присутствия в структуре населения региона – 3,6%¹. Можно согласиться с позицией Г.С. Денисовой, что положение русских в лице терского казачества всегда обуславливалось в Дагестане, как в прочем и на всем Кавказе, исторической спецификой присоединения этих территорий в России, в силу чего масштаб и география расселения в регионе имели политическое обоснование [Денисова, Уланов 2003]. В этом контексте миграционный процесс стал возвращать себе качества, существовавшие у него в давнем историческом прошлом. Тогда он являлся одним из значимых факторов изменения ареалов расселения тех ли иных этнических общностей в регионе [Курбанов 2003].

В настоящий момент многие этнические общности региона – русские, кумыки, лезгины, ногайцы – утратили значительную часть своих этнических территорий. Однако справедливости ради следует отметить, что у перечисленных выше этносов все же сохраняется потенциал воспроизводства как в Дагестане, так и за его пределами. Иная перспектива может ожидать некоторые малочисленные этносы, этнические территории которых ограничены рамками административных границ региона. К ним могут быть причислены лакцы, которые в настоящий момент продолжают утрачивать и без того незначительные по масштабу территории компактного проживания. К тому же не способствует полноценному удовлетворению территориальных интересов этой этнической общности практика реализации программы переселения лакского населения из Новолакского района. Наряду с политическими сложностями в решении этой проблемы, необходимо отметить достаточно высокий уровень коррумпированности при ее разрешении².

По данным приведенных ниже таблиц (табл. 1–3) можно наблюдать миграционную динамику, объясняющую сокращение этнических территорий равнинных этносов и расширение – у горских. Поэтому к одному из значимых политических изменений постсоветского развития в регионе можно отнести рост количественного разрыва между двумя-тремя автохтонными титульными этносами и остальными малочисленными этническими общностями. При стабильном режиме функционирования политической системы такая гомогенная социальная структура, несомненно, отвечает требованиям управляемости и рациональности, однако сокращение этнического многообразия в условиях регулярной политической турбулентности в стране будет приводить к росту актуализации сепаратистского дискурса со стороны представителей численно выросших этнических общностей как единственно титульных в регионе.

2. *Ослабление официальных и актуализация общинных неформальных институтов этнической, религиозной и криминальной природы.* Согласимся с мнением экспертов, отмечающих становление в регионе параллельно официальной альтернативной правовой системы, которая пытается регулировать в т.ч. и территориальные отношения: «речь идет о том, что все чаще народ, не имея возможности решить вопросы в госструктурах, обращается в местные мечети за спра-

¹ Перепись населения РФ 2010 г.: Республика Дагестан. – *Кавказский Узел*. 27.02.2013. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/220692/> (проверено 03.11.2019).

² Магомедов Ш. Новолакский исход. Коррупция как форма доведения до самоубийства. 19.05.2017. Доступ: <https://dag.life/2017/05/19/novolakskij-ishod-korrupciya-kak-forma-dovedeniya-do-samoubijstva/> (проверено 03.11.2019).

Таблица 1

**Сальдо внутренней миграции по территориям со смешанным этническим
расселением за 2006–2014 гг. (равнинные, предгорные районы)**

Муниципалитет	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Бабаюртовский	161	381	84	228	141	221	122	262	6
Буйнакский	416	429	269	557	653	192	481	118	-34
Каякентский	-12	-335	31	-41	-102	-52	-135	-102	-109
Кизилюртовский	418	1400	1106	641	572	468	218	246	-124
Кизлярский	446	492	531	838	504	371	458	612	113
Новолакский	513	362	347	448	432	377	359	279	303
Ногайский	42	40	-29	-7	64	25	6	-5	-45
Тарумовский	341	200	252	209	188	197	129	92	112
Хасавюртовский	-82	304	253	11	-25	-179	-451	-353	32

Таблица 2

**Сальдо внутренней миграции по территориям компактного проживания аварцев за
2006–2014 гг. (горные районы)**

Муниципалитет	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Ахвахский	-69	-61	-179	-172	-115	-76	78	-46	43
Ботлихский	-112	-73	-81	-21	-150	-57	-93	-153	-70
Гергебильский	-39	22	-46	-9	-48	-54	-25	-5	43
Гумбетовский	-188	150	-109	-68	-94	-66	-52	-92	-86
Гунибский	88	38	97	10	74	185	58	37	95
Тляртинский	-150	-292	-316	-295	-399	-296	-286	-270	-174
Хунзахский	-39	50	-89	-149	-116	-181	-129	-95	-206
Цумадинский	370	-546	-457	-295	-6	-255	70	-170	-136
Цунтинский	-238	-218	-221	-57	-188	-178	-289	-253	-102
Чародинский	-126	-134	-89	-127	-99	-67	-69	28	44
Шамильский	-300	-347	-313	-271	-137	-175	-220	-245	-144

Таблица 3

**Сальдо внутренней миграции по территориям компактного проживания даргинцев
за 2006–2014 гг. (горные районы)**

Муниципалитет	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Акушинский	-274	-373	-241	-247	-370	-278	-211	-311	-66
Кайтагский	-23	4691	22	42	226	33	137	10	2
Левашинский	-243	-369	-63	-96	47	-68	22	-38	-62
Сергокалинский	142	-214	-12	76	6	-2	80	-39	-84

Примечание: таблицы, содержащиеся в статье, разработаны А.А. Абдуллаевым для текста диссертации.

ведливостью – это и есть попытка найти более простую форму урегулирования в обход бюрократической машины»¹.

Социологические исследования по этой проблематике подтверждают формирование тренда девальвации гражданских институтов в регионе. Так, более 60% населения региона обратятся в правоохранительные органы и суд, однако чуть меньше 30% попытаются использовать неформальные связи родственного, этнического и даже криминального характера [Абдулагатов 2011: 120]. Это приводит к тому, что в регионе не функционирует эффективно ни российское законодательство, ни мусульманское, ни уголовные понятия. А в качестве социального регулятора, в т.ч. и для разрешения территориальных противоречий, выступает некий гибрид, сочетающий в той или иной мере элементы перечисленного выше. Наличие этого фактора может свидетельствовать о накоплении в регионе глубоких социально-экономических противоречий, которые в условиях формально-институционального вакуума активизируют рост территориальной конфликтности, воспроизводящейся в этнорелигиозно-экстремистских формах.

3. *Трансформация этнической структуры политических институтов на локальном уровне.* Дагестан не только считается одним из самых полиэтничных регионов в стране, но и в настоящий момент может выступать в качестве наиболее этнически дисперсной в отношении географии расселения его населения территории.

Данная тенденция получила масштабное развитие в начале 1990-х гг. Тогда статистика зафиксировала необратимый характер миграции некоторых этносов в регионе. Это коснулось этнических общностей первых миграционных волн советского периода, прежде всего русских. В постсоветский период география их расселения в регионе претерпела значительные изменения. Тогда большая часть из них уже проживала в городах – Дербенте, Каспийске, Кизилюрте, Кизляре, Хасавюрте, а не в сельской местности.

Так как этнические русские прежде всего выполняли в регионе не только и не столько функцию экономической модернизации, сколько более широкую – включавшую выполнение роли референтного культурно-цивилизационного образца для целей полноценной политической развития региона в текущих политических условиях, особого внимания заслуживает проблема сокращения этнических территорий именно этого социального сегмента.

Аналогичная трансформация структуры расселения проходила и в других муниципалитетах, где численное доминирование представителей горских мигрантов над местными этносами – кумыками, ногайцами и др. – детерминировало изменение в них этнических пропорций (см. табл. 4).

Таблица 4

Населенные пункты и годы зафиксированных открытых территориальных противостояний между представителями различных этнических общностей за новейшую историю региона

№ п/п	Населенный пункт	Годы
1	сел. Костек и Новый Костек, Хасавюртовский район	1993
2	Новолакский район	1993
3	пос.Нечаевка, Кизилюртовский район	2004

¹ Алисултанов А. Ярлыкапов: земельные конфликты перерастают в политические и усугубляются бездействием чиновников. – *Кавказский Узел*. 20.12.2011. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/197969/> (проверено 03.11.2019).

4	сел. Новосельское, Хасавюртовский район	2005
5	Кумторкалинский район	2006
6	сел. Новый Куруш, Хасавюртовский район	2006
7	сел. Казмааул, Хасавюртовский район	2006
8	Коркмаскала, Кумторкалинский район	2006
9	Каякентский район	2007
10	пос. Ленинкент, Махачкала	2007
11	сел. Калининаул, Казбековский район	2007
12	сел. Губден, Карабудахкентский район	2007
13	Карабудахкент, Карабудахкентский район	2007
14	сел. Новокаре, Бабаюртовский район	2008
15	сел. Шушановка, Кизилюртовский район	2008
16	сел. Стальское, Кизилюртовский район	2008
17	пос. Красноармейское, Махачкала	2009
18	сел. Ленинаул, Казбековский район	2017
19	пос. Шамхал-Термен, Махачкала	2017
20	пос. Ортатюбе, Ногайский район	2018
21	Кизлярский район	2019

Таким образом, социальная структура в муниципалитетах со смешанным расселением сегодня такова, что выступает предпосылкой активизации преимущественно конфликтогенного характера реализации территориальных интересов этнических групп мигрантов и местных, что естественным образом экстраполируется и на властно-управленческий уровень.

Таблица 5

**Территориальная структура власти в муниципалитетах
со смешанным этническим расселением**

№ п/п	Наименование возглавляемого муниципалитета	Территориальное происхождение	Период деятельности
1	г. Южно-Сухокумск	Чародинский	2017 – по настоящее время
2	Кизлярский район	Цумадинский	2007–2010
3	г. Хасавюрт	Казбековский	1998–2015
4	Кизилюртовский район	Шамильский	2013 – по настоящее время
5	г. Кизилюрт	Тарумовский	2018 – по настоящее время
6	г. Махачкала	Левашинский	1998–2013
7	г. Каспийск	Левашинский	2000–2013
8	г. Избербаш	Левашинский	1997–2007

В свою очередь, трансформация этнополитической структуры на таких территориях в значительной степени отразилась на клиентелистском характере ее воспроизводства.

Таблица 6

Клиентелистский характер транзита власти в муниципалитетах со смешанным этническим расселением

№ пп	Наименование возглавляемого муниципалитета	Территориальное происхождение	Период деятельности	Отношение к предыдущему главе муниципалитета	Период деятельности
1	г. Южно-Сухокумск	Чародинский	2015–2017	Чародинский	2017 – по настоящее время
2	Кизлярский район	Цумадинский	2007–2010	родство (свойство)	2010–2015
3	г. Хасавюрт	Казбековский	1998–2015	Казбековский	2015 – по настоящее время
4	г. Каспийск	Левашинский	1998–2013	Левашинский	2013 по – настоящее время
5	г. Избербаш	Левашинский	1997–2007	Левашинский	2007 – по настоящее время

И это на сегодняшний день оказывает решающее влияние на воспроизводство политической конфликтности по всему региону.

Сохраняющаяся этнополитическая асимметрия в таких муниципалитетах лишь усиливает актуализацию политической институционализации территориальных интересов со стороны численно доминирующих мигрантских этнических общностей и вызывает аналогичные стратегии со стороны местных.

Таким образом, характер развития миграционного процесса в регионе привел к тому, что в настоящий момент политические акторы периода советской модернизации, утратив контроль над большей частью своих этнических территорий, значительно сократили влияние на региональный политический процесс, в то время как мигрантский этнический сегмент не только не сократил ареалы проживания, но и значительно расширил их границы, тем самым укрепив свои позиции в политической структуре региона.

Именно этим, на наш взгляд, объясняется актуализация территориальности в межэтнических отношениях – базового компонента политического процесса в регионе, которая инициирует и поддерживает напряженность между взаимодействующими этническими группами на протяжении всей постсоветской истории региона. Поэтому на нынешнем этапе модернизации региона сформированная структура расселения не способствует его стабильному политическому развитию, а превращает в сеть противоборствующих за ресурсы и статусы территориальных анклавов мигрантских и местных этнорелигиозных общин.

Предложенные нами факторы для выявления степени влияния внутренней миграции на такую значимую характеристику для понимания сущности регионального политического процесса в Дагестане, как территориальность, не являются исчерпывающими. Однако без их выявления и учета невозможна как объективная оценка степени текущего влияния внутренней миграции на региональный политический процесс, так и перспектива развития этой взаимосвязи.

Список литературы

Абдулагатов З.М. 2011. *Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде (на примере Республики Дагестан)*: монография. Махачкала: ИИАЭДНЦ РАН. 206 с.

Алешковский И.А. 2007. *Детерминанты внутренней миграции населения в России*: автореф. дис. ... к.э.н. М. 28 с.

Дятлов В.И. 2007. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска). – *Байкальский регион в глобальном мире: экспертные семинары 2005–2007 гг.* Иркутск. С. 65–70.

Денисова Г.С., Уланов В.П. 2003. *Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса.* Ростов н/Д: Из-во РГПУ. 352 с.

Ефимов Ю.Г. 2007. *Миграция в современном политическом процессе:* автореф. дис. ... д.полит.н. Ставрополь. 41 с.

Завалишин А.Ю., Рязанцев И.П. 2005. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа. – *Социс. Социологические исследования.* № 10. С. 83–92.

Крадин Н.Н. 2004. *Политическая антропология.* М.: Логос. 272 с.

Курбанов Р.В. 2003. *Факторы политической интеграции многоэтнического региона: на примере республик Северо-Восточного Кавказа:* автореф. дис. ... к.полит.н. СПб. 22 с.

Нартова-Бочавер С.К. 2016. *Психологическое пространство личности:* монография. М.: ФЛИНТА. 289 с.

Слюсарянский М.А. 2011. Территориальное поведение: методологические предпосылки социологического исследования. – *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки.* С. 22–29.

Терещенко Ж.А. 2011. Факторы миграционных процессов в современной России. – *Общество: социология, психология, педагогика.* № 1–2. С. 28–30.

Черноушек М. 1989. *Психология жизненной среды* (пер. с чеш. И.И. Попа). М.: Мысль. 174 с.

ABDULLAEV Abas Abdulahovich, external student in political science and regional studies, Immanuel Kant Baltic Federal University (14 A. Nevskogo St, Kaliningrad, Russia, 236041; abas82@yandex.ru)

THE MECHANISM OF THE INFLUENCE OF INTERNAL MIGRATION ON THE REGIONAL POLITICAL PROCESS IN DAGESTAN

Abstract. The article considers such an important characteristic for understanding the nature of traditional societies with incomplete modernization, to which post-Soviet Dagestan belongs, as territoriality. The author discusses the factors that form a certain mechanism by which it is possible to assess the degree of influence of internal migration on the territoriality of the regional political process.

The author relates to the characteristics, which form this mechanism, reduction of ethnic diversity in the lowland and foothill territories of the region while maintaining the mono-ethnicity of the highland area; weakening of official and updating community-based institutions of ethnic religious and criminal origin; transformation of the ethnic structure of political institutions in the localities.

Keywords: internal migration, regional political process in Dagestan, reduction of ethnic diversity, transformation of ethnic structure of political institutions, territoriality